

Но он забыл, что в этом теле десятилетней давности еще не было жизненного опыта, оно еще не прошло через обильные алкогольные возлияния. Пить понемногу, пожалуй, было бы нормально, но если влить всё разом в один присест, в голову всё же ударит.

Сообразив это, он поспешно перехватил руку Сун Яня:

— Больше не пей.

Он боялся, что если так пойдет и дальше, то он и сам не выдержит, не говоря уже о том, чтобы благополучно доставить Сун Яня домой.

Но Сун Янь вовсе не собирался его слушать, сзади ухватил Ся Линя за руку и невнятно забормотал:

— Ся Линь, я в последнее время чертовски задыхаюсь от тоски... Знаешь, я в жизни еще никогда так не тосковал!

Ты говоришь, что хочешь стать лучшим учеником, Окей, я не против, я обеими руками за; ты говоришь, что хочешь внимательно слушать учителей и спокойно повторять материал, не желая, чтобы кто-то отвлекал, так я лучше побуду в ступоре или посплю, но лишний раз не посмею к тебе обратиться; ты говоришь, что тебе не нравится Юй Лотун, я с тех пор при тебе о нем и полслова не упоминаю... Я и так уже всё это сделал, чего ты еще от меня хочешь? Я считаю тебя братом, а ты, блин, во мне пустое место видишь?

Сегодня мой восемнадцатый день рождения, а ты смог взять и забыть про столь важный день, у тебя... у тебя вообще есть сердце? Мы с тобой с малых лет растем вместе, четко договорились быть лучшими братьями на всю жизнь, но неужели я тебе совсем не дорог, неужели ты и впрямь не считал меня за брата?

Под конец Сун Яня неожиданно одолели рыдания, и голос его сорвался.

У Ся Линя защипало в уголках глаз от услышанного. Разве он не знал о душевной боли Сун Яня? Но и Сун Янь ведь понятия не имел, каково было горе на сердце самого Ся Линя.

Сун Янь раз за разом твердил, что считает его братом, однако меньше всего Ся Линю хотелось быть Сун Яню братом.

В прошлой жизни он одновременно хранил в тайне свою безответную любовь к Сун Яню и натягивал фальшивую улыбку, помогая любимому брату обрести истинное счастье.

Лишь позже, когда Юй Лотун ушел, инсценировав собственную смерть, а Сун Янь скатился на дно и днями напролет топил горе в вине, он осторожно и сам бросился ему в объятия, постепенно заставив Сун Яня обратить на себя внимание.

Он до сих пор помнил ту ночь, когда впервые переспал с напившимся Сун Янем. Хотя тот ничего и не говорил вслух, на лице его застыло выражение одновременно прозрения и какой-то брезгливой жалости: мол, оказывается, мой брат смотрел на меня именно так.

Эта жалость и пренебрежение едва не искалечили Ся Линя, но он все равно оставался униженным и покорным, барахтаясь на самом дне.

Тогда он думал, что раз уж в этой жизни всё равно всё кончено, то гордость и самоуважение не имеют никакого смысла — лишь бы оставаться рядом с Сун Янем, а какими глазами тот на него смотрит, уже неважно.

Но было ли ему действительно всё равно? Фактически человеческая жажда любви не имеет границ.

Стоило ему заполучить тело Сун Яня, как захотелось завладеть его сердцем; завладев сердцем, захотелось заполучить его целиком, на всю оставшуюся жизнь.

Однако он был слишком наивен: с самой первой ночи, проведенной в постели, Сун Янь видел в нем лишь замену Юй Лотуну. Как бы искренне и всецело он ни отдавался Сун Яню, стоило Юй Лотуну вернуться, как он мгновенно возвращался к исходной точке.

Сун Янь никогда не отдавал ему свое сердце, так о какой же вечности могла идти речь? Всё это было лишь его собственным самообманом.

Ся Линь всё еще барахтался в пучине сердечных ран прошлой жизни, не в силах вырваться, а Сун Янь тем временем достиг новых высот опьянения: то взбирался на каменный парапет и громко пел навстречу ветру, то присаживался на корточки у ног Ся Линя, хватался за его штанину и жалобно канючил:

— Ся Линь, не игнорируй меня...

Ся Линю казалось, что если эта возня продолжится, конца и края ей не будет, и он повысил голос:

— Чжоу Шо, иди сюда быстрее.

Получив приказ, Чжоу Шо тут же прибежал, помог Ся Линю подхватить Сун Яня с обеих сторон и спросил:

— Второй молодой господин, что делать-то?

— А что еще делать, везти домой... — отвечая, Ся Линь тащил Сун Яня на себе к выходу. — Черт, тяжелый какой!

Словно бесчувственная тряпичная кукла, Сун Янь целиком повис на плече у Ся Линя и продолжал что-то невнятно бормотать себе под нос.

Ся Линь не разбирал слов и не собирался вслушиваться. Повторив свои бессвязные речи несколько раз и не дождавшись ответа, Сун Янь вдруг взбеленился, одной рукой развернул голову Ся Линя и со звучным чмоканием тяжело чмокнул его в полушарие щеки.

От такого внезапного нападения Ся Линь на секунду растерялся. Он помнил, что в этой жизни Сун Янь вроде бы еще не должен был свернуть на кривую дорожку так быстро, с чего это он вдруг полез целоваться?

Добившись успеха с первой попытки, Сун Янь с размаху прижал Ся Линя к ближайшей бетонной стене, всем весом зафиксировав его руки и ноги, одновременно зажав лицо двумя ладонями, и принялся бессистемно и яростно тыкаться губами куда попало.

Этот маневр вышел настолько стремительным и наглым, что Чжоу Шо остолбенел на месте.

Ся Линь ощутил мощную волну винного перегара, ударившую в лицо. Липкие слюни покрыли всю его щеку и перекрыли нос с ртом, почти лишая возможности дышать.

Он изо всех сил отвернулся, жадно глотнул воздуха, и тут же почувствовал, как Сун Янь проталкивает внутрь язык.

— Какого черта... — у Ся Линя возникло желание проклясть все поколения предков этого типа.

Он изо всех сил заворочался и заорал:

— Чжоу Шо, ты что, блин, любишься тут на экспонат, забыл зачем стоишь?! Не знаешь, что ли, как оттащить его от меня?!

— А? Ой-ой.

Опомнившись с опозданием, Чжоу Шо бросился вперед и оттащил Сун Яня от Ся Линя.

Ся Линь с несчастным видом вытер лицо рукавом и обнаружил, что этот гад даже разбил ему губу.

Он еще не решил, с каким выражением лица реагировать на внезапный прижим к стене и страстный поцелуй от Сун Яня, как тот упер руки в боки и самодовольно заржал:

— Ну что, Ся Линь, и что с того, что гомосексуалист? Я вот тоже могу целовать мужиков!

У Ся Линя мгновенно возникло жгучее желание швырнуть его на землю и как следует отходить

ногами.

— Да! Можешь! — взревел в ответ Ся Линь. — Ты, черт побери, думаешь, гомосексуализм — это детские игры в дочки-матери?!

— Второй молодой господин, — попытался урезонить его Чжоу Шо. — Он же напился в хлам, сам не понимает, что мелет, не обращайтесь внимания.

Да Ся Линь и сам прекрасно понимал, что Сун Янь несет пьяный бред. Просто этот ублюдок, успешно разбередив его жуткие воспоминания прошлого, теперь еще и вел себя донельзя цинично, устраивая такое представление. Ся Линю вдруг захотелось сравнять его с землей.

Тем временем Сун Янь, не испытывая ни малейшего страха перед смертью, снова полез липнуть к нему. Ся Линь без лишних церемоний с размаху заехал ему ногой в бок, опрокидывая на землю, тяжело выдохнул и злобно бросил:

— Я ведь и впрямь, должно быть, головой тронулся раз приперся сюда ради твоих забав...

Наблюдая за тем, как распростертый на полу Сун Янь буянит, одновременно рыдая и хохоча, Чжоу Шо мысленно затеплил по нему свечку.

Ся Линь снова заговорил:

— Чжоу Шо, позвони дяде Тэну, пусть поднимется наверх, а потом вы вдвоем тащите его домой. Мне надоело, разбирайтесь сами.

Чжоу Шо осторожно поинтересовался:

— А вы, второй молодой господин?

— Я? Домой! Учиться!

Подумав пару секунд, Чжоу Шо кивнул: в таком ответе не было никаких изъяснов.

Наступило воскресенье. За исключением короткого появления за обедом по зову Ся Ляна, всё остальное время Ся Линь неотступно просидел за письменным столом.

После полудня Чжоу Шо принял звонок от Сун Яня. Оглядевшись по сторонам, он украдкой уединился в тихой комнате и нажал кнопку ответа.

— Чего за дела? — завопил в трубку Сун Янь. — Почему до Ся Линя вечно не дозвониться? У него с мобилой проблемы что ли?

— С его телефоном всё в порядке, — ответил Чжоу Шо. — Просто он занес тебя в черный список.

— В че-рны-й спи-сок?

Сун Янь изумился так сильно, что к каждому слову готов был пририсовать по вопросительному знаку.

— С какой стати он кинул меня в черный список? Чем я его обидел, неужели обязательно быть таким бессердечным?

С беспристрастным выражением лица Чжоу Шо произнес:

— Молодой господин Сун... а сколько из вчерашнего вечера вы помните?

— Ну... помню, как пил на крыше. Потом пришел Ся Линь, я вроде заставил его выпить банку, а дальше... а дальше что было? Я что, отключился напрочь?

— ...

Чжоу Шо хранил молчание.

— Эй, говори давай, не подражай этой мертвецкой физиономии твоего хозяина!

Невозмутимым тоном Чжоу Шо выдал:

— Сначала вы заставили второго молодого господина пить через силу, потом уселись у него в ногах и рыдали, вцепившись в его штанину...

Не успел он договорить, как Сун Янь запрыгал на месте:

— Да ладно?! Неужели я сотворил такую позорную вещь?! Скажи мне честно, Ся Линь тогда хорошенько надо мной посмеялся? Он поди решил, что я последний трус и со мной можно делать всё что угодно?

— Ну, не то чтобы... — продолжал выдерживать паузу Чжоу Шо. — Он вообще-то собирался заставить меня помочь ему дотащить вас до дома, но кто же знал...

— Чего?! — Сун Янь невольно затаил дыхание, молясь, чтобы не натворить еще какого-нибудь позора.

— Кто же знал, что вы вдруг прижмете второго молодого господина к стене...

— Чего?!

— И начнете беспорядочно тискать его лицо...

— ... — Сун Янь принялся судорожно хватать ртом воздух.

— И даже засунете язык в рот...

— ... — Сун Янь едва не задохнулся от нехватки воздуха.

— А в конце уперли руки в боки и заорали во всю глотку: и что с того, что гомосексуалист, подумаешь мужиков трахать, я вот тоже умею!

На том конце провода воцарилась полнейшая тишина.

Спустя изрядную паузу Чжоу Шо осведомился:

— Молодой господин Сун, вы еще живы?

— ...Еще дышу, — еле слышный голос Сун Яня донесся лишь через мгновение.

Из соображений крайнего такта Чжоу Шо не стал больше допытываться — ему показалось, что на восстановление дыхания у Сун Яня уйдет немало времени.

И действительно, выждав еще добрую паузу и слегка придя в себя, Сун Янь испуганно затараторил:

— Нет-нет-нет, Чжоу Шо, мне нужно объясниться!

— Да мне-то толку объясняться, не меня же вы к стене прижимали.

— Да кто твою мать собирался прижимать к стене... Тьфу, не мели чушь, дай сюда трубку Ся Линю, живо!

— Погодите секунду.

С телефоном в руках Чжоу Шо подошел к двери спальни Ся Линя и без спешки постучал:

— Второй молодой господин, звонит Сун Янь, просит взять трубку.

— Пусть катится куда подальше и не докучает мне, — за дверью Ся Линя доводила до искр в глазах сложнейшая геометрическая задача, ему было не до телефонных разговоров.

За дверью Чжоу Шо передал слова в трубку:

— Второй молодой господин велел вам катиться куда подальше и не докучать ему.

— Передай ему, что если он не возьмет трубку, я сам примчусь к вам домой и устрою расправу!

Тогда Чжоу Шо послушно повторил слова Сун Яня прямо в сторону двери комнаты Ся Линя.

Как раз в этот момент Ся Лян собирался подняться наверх для дневного сна. Проходя мимо комнаты Ся Линя и расслышав последние слова, он остановился и строго спросил:

— Это у какого же мерзавца хватило смелости грозиться устроить у нас расправу?

На другом конце провода Сун Янь мгновенно притих, словно цыпленок под дождями.

Ся Лян и без подсказок догадался, кто там на проводе. Обращаясь вроде бы к Чжоу Шо, но на самом деле вещая для ушей Сун Яня, он произнес:

— Скоро экзамены, незачем шлаться где попало, лучше почитай побольше книг.

Вытянувшись по струнке, Чжоу Шо почтительно ответил:

— Слушаюсь, старший молодой господин.

Дождавшись, пока Ся Лян скроется в своей спальне, Чжоу Шо тихонько произнес в трубку:

— Молодой господин Сун, я полагаю, второй молодой господин всё еще кипит от злости — с тех пор как он вернулся вчера, я ни разу не видел, чтобы он улыбался... В любом случае завтра уже возвращаться на учебу, так не подождать ли вам школы, чтобы объясниться с ним лично?

— Аг-а, угу, угу, — закивал Сун Янь, словно клюющий зерно цыпленок.

То ли из-за чувства вины, но если перед Ся Линем он еще мог нагло докучать, то при одном упоминании о находящемся дома Ся Ляне мгновенно сдувался.

На следующий день Сун Янь заявился в школу спозаранку. Из-за бессонной ночи под его глазами залегли два тяжелых темных круга.

Добрался до класса — и предсказуемо заметил Ся Линя, сидевшего за партой у окна. Как и каждое утро, тот склонил голову, сосредоточенно диктуя самому себе английские слова.

Весенние утренние лучи солнца падали сквозь оконную раму, живописно расчерчивая половину его лица. В игре света и тени четко вырисовывались мягкие контуры подбородка, еще

сильнее подчеркивая белизну и гладкость кожи.

На мгновение Сун Янь выпал из реальности. Его поразило: почему он раньше никогда не соотносил Ся Линя со словом красивый?

С малых лет Ся Линь был привязан к нему неотступно: они вместе прогуливали уроки, вместе проказничали и даже раздевались догола, чтобы барахтаться в воде... В его представлении Ся Линь казался едва ли не вторым им самим, они были настолько близки, что между ними почти не было границ.

Но с каких пор Ся Линь начал от него отдаляться? С момента возвращения из Австралии или несколько лет назад, когда Ся Линь перестал соглашаться мыться вместе?

Возможно, дело действительно в том, что на расстоянии всё видится иначе. Лишь когда Ся Линь оттолкнул его так далеко, он вдруг с прозрением понял: оказывается, облик Ся Линя уже давно не тот, что остался в его воспоминаниях — тот стал чуть выше, чуть стройнее и куда привлекательнее прежнего.

Стоя в дверях класса, Сун Янь остолбенел и так и замер, глядя на Ся Линя, пока тот, закончив блок слов, не выдохнул с облегчением и не поднял голову.

Их взгляды встретились. В воздухе мгновенно повисла тонкая, едва уловимая атмосфера неловкости.

Ся Линь молча посмотрел на него пару мгновений, а затем, словно на совершенно незнакомого человека, опустил голову и продолжил зубрить следующий блок слов.

Резко придя в себя, Сун Янь вспомнил о цели своего визита, глубоко вздохнул, уверенным шагом подошел к парте Ся Линя и неловким, показным тоном изрек:

— Ся Линь, нам надо поговорить.

Ся Линь снова поднял на него глаза. Он не сказал ни да, ни нет.

Чжоу Шо молча поднялся со своего места, подошел к другой пришедшей пораньше ученице и бесстрастно произнес:

— Не могла бы ты выйти со мной на минуту?

Девушка резко вскинула голову, и её лицо мгновенно залилось густой краской.

Удивленно глядя на нее, Чжоу Шо повторил:

— Одноклассница, ты не могла бы выйти со мной?

— Д-да... хорошо.

Кажется, смущенная и растерянная девушка машинально одернула край школьной формы, а затем робкой походкой послушно последовала за Чжоу Шо наружу.

Когда все лишние свидетели удалились, Сун Янь заикающимся голосом выдал:

— Насч-чет пр... позавчерашнего вечера, Чжоу Шо мне всё р... рассказал, вообще-то...

— Я знаю, — холодно перебил его Ся Линь. — Ты напился. С каких пор я стану сводить счета с пьяным?

Сун Янь на мгновение замер, а затем страшно обиделся:

— Если ты не собираешься сводить счета, так какого хрена закинул меня в черный список?!

Ся Линь посмотрел на него:

— То, что я не свожу счета, вовсе не значит, что мне не хочется заблокировать тебя.

— Какого черта, как ты можешь быть настолько неразумным...

— С чего это мне быть с тобой разумным? — Ся Линь склонил голову набок, вызывающе глядя на него. — Телефон мой, вносить кого попало в черный список — мое личное дело. Разве я должен испрашивать твоего предварительного разрешения?

Поставленный в тупик подобным вопросом, Сун Янь лишился дара речи.

Столь прямолинейный и грубый метод разрыва отношений в исполнении Ся Линя начисто перевернул его мировоззрение.

Некоторое время они молча противостояли друг другу, но в конце концов Сун Яню пришлось сдаться первому:

— Ся Линь, давай поговорим нормально? Ты должен назвать мне причину...

— Потому что я гомосексуалист, а ты нет.

— И что с того, что гомосексуалист? Мне плевать, а ты всё еще...

— Скажи мне, рыбак рыбака видит издалека. Мы не из одного теста сделаны, нам не по пути.

Сун Яня чуть не разорвало от гнева, и он начал пороть чушь:

— Хорошо, Ся Линь, раз ты так разделяешь, ладно! С сегодняшнего дня я тоже гомосексуалист, мне тоже нравятся парни, ты теперь доволен?!

С легкой ухмылкой Ся Линь глянул на него так, будто перед ним стоял капризный ребенок, но слова его прозвучали ледяным холодом:

— Ты думаешь, гомосексуализм — это детские игры в песочнице? Ты вообще изучал это сообщество? Ты прочувствовал всю тяжесть хождения по этой дороге? Ты можешь представить, какую боль испытают твои родные, узнав о твоей ориентации?

Ни один гомосексуалист не желает сознательно причинять боль близким, они все до единого идут на это от безысходности. Общество маргинализирует таких людей, они тоже хотят влиться в него, но им не позволяют, их не принимают.

Сун Янь, если ты все еще натурал, так цени себя нынешнего. Тебе совершенно незачем силой тащить себя в этот тупик, иначе в один прекрасный день ты горько пожалеешь.

Внезапно Сун Янь осознал, что между ним и Ся Линем в какой-то момент пролегла непреодолимая пропасть.

Раньше это чувство не было столь острым, но в последнее время он все явственнее ощущал, что безнадежно отстаёт от хода мыслей Ся Линя.

Способы рассуждения и точки зрения Ся Линя казались ему глубокими и чуждыми.

Разговаривая с ним, он то и дело испытывал иллюзию беседы со старшим наставником, а порой даже чувствовал, будто его отчитывают. От этого ощущения ему становилось не по себе, но приходилось признать: возразить на многое из того, что говорил Ся Линь, он был не в силах.

А утверждение Ся Линя о том, что он ничего не смыслит в сообществе геев, угодило точно в цель.

Помимо того факта, что мужчины занимаются любовью с мужчинами, а женщины с женщинами, он действительно не знал ровным счетом ничего.

Однако Сун Яню казалось, что Ся Линь слишком рано ставит крест на его намерениях, и чувствуя внутренний протест, он хотел было возразить еще пару слов, как со стороны коридора донеслись приближающиеся шаги.

Ранее уведенная Чжоу Шо девчонка возвращалась со злобным выражением лица, сердито бормоча под нос:

— Псих какой-то, вытащил на улицу и ни слова не сказал, просто так поиздеваться решил, да?!

Чжоу Шо шел в пару шагах позади, с растерянным выражением лица — он всего лишь попросил ее выйти, не обещая вести беседу, и искренне не понимал, откуда столько злости.

Заметив, что момент для разговора упущен, Сун Янь был вынужден пока замолчать и сокрушенно поплелся обратно к своей парте.

Тем же вечером, движимый небывалой доселе жаждой знаний, Сун Янь залез в интернет, отыскал массу научно-популярных материалов о гомосексуализме и, следуя по цепочке ссылок, наткнулся на множество романов в жанре «даньмэй» и о любви между мужчинами, тем самым распахнув дверь в совершенно новый мир.

Пару дней спустя на уроке внеклассных занятий большая часть учеников убежала на спортивную площадку. Юй Лотун из-за слабого здоровья избегал бега при любой возможности, поэтому, улучив момент, пока преподаватель не смотрит, тайком шмыгнул обратно в класс.

Не успев переступить порог, он неожиданно обнаружил там того, кто сбежал с урока еще раньше него.

Забившись за свою парту, Сун Янь с головой ушел в экран смартфона, погруженный в чтение.

Подойдя ближе, Юй Лотун поздоровался с ним, чем до смерти напугал Сун Яня — тот подпрыгнул на стуле и виновато спрятал телефон за спину.

От такой вне прити Юй Лотуну стало немного неловко:

— Эм... я просто хотел спросить, почему ты не пошел на занятия.

— А, это ты.

Узнав Юй Лотуна, Сун Янь с облегчением похлопал себя по груди:

— А я уж думал, учитель пришел.

С лукавой улыбкой Юй Лотун поинтересовался:

— Ты случаем не читаешь что-то запретное?

Почесав затылок, Сун Янь покраснел до ушей:

— Да так... Мне просто стало любопытно, полез в сеть поискать кое-что о вас... о вашем круге, а потом меня направили почитать несколько романов, ну и втянулся.

— Романы?

Любопытство Юй Лотуна разыгралось не на шутку.

— И что там за романы? Посоветуй мне тоже почитать?

Тогда Сун Янь, листая экран телефона, принялся зачитывать вслух:

— Ну, например: «Ошибка в выборе жениха», «Президент, отпусти меня», «Запретная страсть богатых семей»...

<http://bllate.org/book/20008/1974150>